

СУДНЫЙ ДЕНЬ, или Победившая жадность

Борис Александрович Кузнецов,
государственный советник
Российской Федерации 2 класса,
Москва, e-mail: bor206@yandex.ru

В статье говорится о причинах завершения деятельности Ассоциации издателей «Российский учебник», о монополизации рынка российских школьных учебников и нарушении принципов правового регулирования издательской деятельности.

- Ассоциация издателей «Российский учебник» • монополизация рынка
- школьный учебник • правовое регулирование издательской деятельности

Вот он и настал, Судный день. В эсхатологии этот день — последний день существования мира, день Божественного суда. Когда он настанет и настанет ли — на то и по сей день ответа нет. И я думаю, не будет. Но ведь совсем не обязательно, чтобы он настал для всех сразу и в один день. К тому же сегодня Судный день — это скорее лишь метафора, означающая крах всего, что каждый из нас считает для себя главным в этой жизни. И если к кому он приходит, то приходит к каждому в свой срок. Да и причина Судного дня у каждого своя будет.

* * *

Банальными будут слова о том, что идеологией свободного рынка является жадность. Это давно уже как бы само собой разумеется, оттого об этом давно и не говорят прямо. И правильно, наверное, чего ради

говорить об очевидном. Беда только в том, что эта банальная мысль о жадности, как основе капитализма, абсолютна. То есть история развития капиталистических отношений

не знает в этом смысле исключений ни во времени, ни в пространстве. И если в основе любой идеологии лежит некая единая система идей и взглядов, то для капиталистического общества такой системой идей и взглядов является именно жадность — гипертрофированное желание владеть и потреблять. Отмечу, к слову, что трястись от страха и отвращения при слове «идеология», как это постоянно демонстрируют нам сегодняшние «деидеологизированные» либералы и иже с ними, не надо: не нужно лишний раз лицемерить для того, чтобы продемонстрировать свой разрыв с «проклятым идеологизированным прошлым» и чистоту новой идеологии «отсутствия идеологии».

Наблюдая недолгое пока развитие пусть даже квази-, но всё же рыночных, то есть капиталистических, отношений в России, можно лишь утвердиться в правильности этого исходного посыла. Жадность здесь, у нас, вездесуща и притом постоянно и самым наглядным образом демонстрирует своё присутствие во всех сферах нашей жизни, и образование здесь не исключение. Косвенным, но очевидным основанием для такого утверждения служит одно определяющее обстоятельство: здесь, в образовании, крутятся немалые деньги. А где большие деньги — там и она, жадность — гипертрофированное желание владеть и потреблять.

* * *

В марте 2020 г. завершила свою деятельность образованная ещё в 1999 г. при содействии Министерства образования и науки РФ Ассоциация издателей «Российский учебник». В письме, направленном в этой связи издательствам, отмечалось:

«В минувшем году Ассоциации исполнилось 20 лет. Этого срока оказалось достаточно, чтобы лежащая в основании Ассоциации идея совместной работы участников образовательного процесса — издательств учебной литературы для школы и федеральных ведомств — над сохранением основы образования — школьного учебника, утратила значение и какой-либо смысл.

Следует признать, что во времена становления государственного капитализма и стремительной монополизации самых разных отраслей деятельности, всякого рода объединения, создававшиеся и создающиеся ныне для защиты интересов отдельных групп производителей и взаимодействия их с государством, теряют свою привлекательность и даже смысл, учитывая всеисилие искусственно формирующихся олигополий и монополий. Всеисилие, обусловленное не в последнюю очередь возможностями их влияния на власть в собст-

венных интересах, которые, как правило, противоречат стратегическим интересам государства.

В нашем случае подобного рода противоречия усугубились за счёт активного, можно сказать инициативно-активного, участия Министерства просвещения РФ — главного регулятора рынка учебной литературы для школы — в переформатировании этого рынка из монопольно-конкурентного в монопольный. В минувшем году этот процесс был фактически завершён. Основания какой-либо совместной деятельности издательств учебной литературы для школы, в которой был бы заинтересован каждый участник процесса, сегодня иллюзорны».

Откуда вдруг взялся монополист на рынке учебной литературы для общеобразовательной школы, если совсем ещё недавно число участников здесь исчислялось десятками? Вопрос, конечно, интересный, но задавать его надо не монополисту — издательству «Просвещение». В том смысле, что как это мол оно стало монополистом? В конце концов, у нас же вроде как рыночная экономика, а значит и законы здесь рыночные, основания которых — экономическая свобода и конкуренция вкупе с преимущественным правом частной собственности. Конкуренция! Так что, какие претензии к победителю в конкурентной борьбе? Никаких. Несколько смущают только условия существования этой самой конкуренции и, всё же, — то, как это её вдруг не стало, то есть каким образом победили конкуренцию в отдельно взятой области деятельности, не связанной с естественными монополиями?

Дело в том, что рынок учебной литературы для общеобразовательной школы есть лишь часть общего книжного рынка. Большая часть (в 2020 г. это 11,8% по числу названий и 41,4% по тиражу), не определяющая, если оценивать рынок по числу названий выпускаемой литературы, но очень

даже определяющая, если оценивать по тиражу. На книжном рынке, как, впрочем, и на иных рынках, интерес производителя заключается главным образом в максимизации прибыли. Три основных параметра — число выпускаемых названий, суммарный тираж и цена — определяют возможности издательства добиться этой самой максимальной прибыли. При среднем тираже одной книги в годовом общероссийском выпуске 3,52 тыс. экземпляров средний тираж учебной книги для общеобразовательной школы — 12,35 тыс. экземпляров. Есть разница? Это заметно больше, чем средний тираж детской книги (6,52 тыс. экз.), художественной литературы (2,50 тыс. экз.) и пр. Так что интерес издателей к этому сегменту книжного рынка понятен. А если добавить к этому ещё и бюджетные закупки учебников, то всё станет ещё понятнее: тут тебе и число названий, и тираж, и цена, и даже гарантированные закупки — прелесть что такое. Правда, есть одно большое «но» — вход на этот рынок ограничен. В отличие от иных сегментов книжного рынка, условия вхождения в рынок и всё, что делается на рынке литературы для общеобразовательной школы, определяет государство в лице (теперь, после очередных трансформаций) Министерства просвещения РФ. Этим-то и воспользовалось федеральное ведомство для того, чтобы за короткое время выпестовать монополиста.

Раньше ведь как было? Государство всё своё отдавало одному своему же государственному издательству «Просвещение», которое и воплощало это государево «всё» в книжки для всех школ страны. Иных школьных книг просто не было. Но с тех самых пор, как в 1994 г. разрешили и другим издательствам припасть к неиссякаемому, но всё же не бездонному, государственному бюджету для издания школьных книжек, единственному государственному на этом рынке издательству пришлось потесниться: довольствоваться сначала тремя четвертями, затем половиной, а потом (к концу нулевых) и вовсе лишь четвертью прежнего своего величия. То есть, пришлось быстренько сдать свои позиции. А в 2011 г. лишилось оно и главного своего достоинства — государственности. То есть стало издательство «Просвещение» просто «как все», «одно из» или «наряду с», а не как быва-

ло — «самым-самым» в силу государственного своего статуса и легенды прежних лет.

До сих пор внятного ответа на вопрос, что приобрело наше государство, продав небольшой коммерческой структуре «Олма Медиа Групп» всего за 2,25 млрд рублей крупнейшее и старейшее издательство учебной литературы для школы и — шире — зачем оно это сделало и по чьему наущению, нет. Скорее всего, главную роль здесь сыграли личные интересы больших начальников причастных федеральных структур, в ведении которых находилось издательство «Просвещение» до приватизации.

Другие издательства-конкуренты вполне законно и, главное, заслуженно, потому как начинали работать на этом рынке с нуля и многого добились трудом своим за малые сроки, получали свою долю финансового пирога, в том числе и государственного. Создать конкурентный школьный учебник не то чтобы просто, а — как говаривали когда-то — архисложно. Это тебе не любовь там с эротикой или эзотерику какую издавать. Это огромные интеллектуальные, финансовые, временные затраты, и всё в условиях неопределённости к тому же, в условиях всё возрастающего со временем коммерческого риска.

Надо сказать, что темпы роста этого самого риска и этой самой неопределённости в течение всего недолгого периода существования конкуренции на рынке учебной литературы для школы задавал главный потребитель и он же — заказчик школьной литературы — государство в лице федерального министерства.

Есть одна тонкость, связанная с устройством рынка учебной литературы для школы. Дело в том, что книга вообще и школьный учебник в частности, в наших квазикапиталистических условиях быстро трансформировались

из преимущественно независимого способа движения социальной информации в преимущественно товар, в объект купли-продажи. В то же время образование, а значит и средства, с помощью которых в системе образования обретаются знания, относятся к общественным благам. Общественные же блага потребляются всеми членами общества независимо от степени оплаты каждым этого блага. Но рыночная экономика в принципе не заинтересована и не способна производить общественные блага, также как не способна, например, противостоять монополистическим тенденциям. Так что здесь необходимо именно государственное регулирование. Одна из сторон этого регулирования в нашем случае — это формирование условий участия продукции частного капитала (учебников, подготовленных частными издательствами) на государственном рынке школьных учебников, и плюс к этому — формирование требований к качеству этой продукции. Ведь значительные объёмы учебников закупаются для школ за счёт бюджетных средств, а своё, государственное, издательство продано.

Как же это самое федеральное ведомство, ведающее российским образованием, занималось этим самым регулированием?

Сначала оно сломало сложившуюся на тот момент систему государственно-общественной экспертизы, заменив её системой государственно-ведомственной, при этом ловко скинув с себя все обязанности и ответственность за проведение самой экспертизы. Один важный человек в том самом ведомстве прямо так и говорил не раз: «Нам важно скинуть с себя всякую ответственность за качество учебников». Но при этом руку на пульсе, конечно, ведомство держало, поскольку не в том задача была, чтобы свободу процессам дать, ведь все эти процессы сопровождались немалыми финансовыми потоками, как же их из рук своих выпускать.

После передачи экспертизы в некотором смысле в подведомственные руки быстро

сформировали такие условия попадания в федеральный Перечень, что уже одними хорошими учебниками издательства обойтись не могли. Всем, желающим попасть в Перечень, надо было иметь сначала завершённые предметные линии, а затем и вообще все учебники для той или иной ступени образования. Чувствуете разницу? Специализированные на тематике или возрастной категории издательства бросились создавать вовсе не профильные для себя учебники. Кто занимался, скажем, историей, стали создавать учебники по физике и математике и наоборот. Для чего всё это? Надежда устроителей была, видимо, на то, что не справятся издательства и останется только тот, у кого всё это и без того было. Пусть не всегда конкурентное, но всё. Но издательства с задачей как-то справились, тем, кто замыслил нехорошее, конкурентов убрать не удалось, но при этом Перечень как результат в попытках произведённой работы заметно подрос.

Эта локальная неудача не испугала «задумавших нехорошее». Следующей попыткой стало введение нового кардинального требования. Пошли они, устроители проблем, по пути усложнения задачи. Теперь в Перечень могли войти не просто учебники, а лишь учебники завершённой предметной линии, образующие «систему». Во как! И бросились издательства создавать «системы». Правда, никто им не мог объяснить, что же это за зверь такой, который называется «система», но это и неважно было, главное, что большинство участников рынка в принципе не могли справиться с этой задачей, потому как времени на то не хватало. Неведомый науке учебный интеллектуальный продукт создать — это тебе не нанолампочку соорудить. Так что задачу устранения конкурентов для любимого издательства федеральное ведомство чуть было не решило уже на этом этапе. Но тут спустя короткое время удалось-таки отбиться от этих самых «систем», потому как оказалось, что и устроители сами не знают, что со всем этим делать, да и народ как-то

нехорошо зашумел. А Перечень-то в результате «систематизации» опять подрос. Что-то со всем этим надо было делать.

Наличие у представителей исполнительной власти в квазирыночных условиях примата психологии лавочника, о чём говорит нам история постсоветского периода, не позволило идти далее применения известных ранее методов («упразднять», «не пущать» и «сокращать») при решении всех — и действительных, и надуманных, и искусственно созданных — проблем. А вот что и когда именно «упразднять», кого «не пущать» и, опять же, что «сокращать» при отсутствии внятной и выверенной государственной политики — это всегда подсказать найдётся кому. Потаённая цель всех этих деяний была одна — упразднение складывающейся в условиях вариативности образования тенденции укрепления и развития конкуренции, ставшей «поперёк горла» одному игроку на рынке школьных учебников.

Не все поняли, что происходит. Тут ведь как посмотреть. Беда в том, что смотреть-то надо было с самого верха, чтобы верным глазом всё уличить, да и ответствовать тогда уж пред всеми равнообразно, а не так, чтоб «кого дедушка любит, тому и косточки в руки». А с некоторых пор как-то так всё получилось, что «дедушка» именно этого самого «одного» не в пример другим усерднее любить стал и оттого, видать, глаз у него совсем «замылился» других касательно, не видел он их, не замечал совсем. Даже вроде и не знал, что они, эти самые «другие», вообще существуют. Так ему, видать, самому жить было и хорошо и просто: хлопот меньше, а удовольствия не в пример больше получалось. А всё почему? А всё потому, что денежки.... Вот в результате длительного такого «замыливания» глаз у кого-то там «вверху» и получили МОЛИ в те славные годы (начало десятых) МОЛИ — «Министерство одного любимого издательства». Раньше оно вроде как-то иначе называлось: что-то там с образованием было связано... А стало — МОЛИ! И в растерянности от происшедшего молить народ стал, чтобы и про иных не забывали. Кричали «дедушке», что уши-то иногда чистить надо, чтобы слышать и иные голоса, а не только требовательные и безапелляционные (то есть не допускающие возражений «дедушки») крики каприз-

ного, но любимого. Но нет, не получилось. Не услышал. Залепило, видно, уши МОЛИ это самое любимое издательство чем-то сладким. Плотное залепило сладеньким, не прочистишь. И ладно бы для общего блага старался «дедушка» вместе с «любимым». Так ведь нет же, совсем даже наоборот.

Как же так получилось? Как же это, братцы, а? Как? Ведь было же, было что-то разумное, что-то такое, знаете ли, культурное, хорошее. И даже вполне в рамках рыночной или пусть даже quasi, но опять же рыночной всё же экономики получаться началось. То есть это когда не один кто-то делает что-то и говорит, что это хорошо и все ему верят, потому что ничего другого-то и нет. А когда их много, делающих, и всегда выбрать можно, что получше. Оттого-то в своё время и стало некогда «самое-самое» издательство терять свои позиции, когда оказалось, что и получше учебники-то можно делать, а то и подешевле даже. И детям, опять же, хорошо: разнообразие всегда им на пользу и в радость. Только вот в самый период наступающего такого полного соответствия возник вдруг кое у кого вопрос: «А как же денежки-то»? Разнообразие разнообразием, но денежки-то как? Что ж, так и будут они кому ни попадя доставаться? Помните: «Я пошёл в магазин, Ты пошёл в магазин, мы ЕГО не любим, ОН тоже пошёл. Ты купил, Я купил, мы ЕГО не любим, Он тоже купил»? Куда это годится?

Так вот. В процессе отработки технологии упразднения, после неудачных попыток, были искусно созданы и широко озвучены «проблемы» качества школьных учебников и — опять же — проблемы качества их экспертизы. Вдруг все чудить стали: авторы с большим усердием бросились писать некачественные тексты, издатели — с необъяснимым упорством выпускать в свет некачественные учебники

и учебные пособия, а федеральное ведомство — формировать из этих некачественных учебников некачественные перечни. Об этом народу быстренько средства массовой информации доложили. Как-то они оперативненько так пронюхали обо всём нехорошем. Как-то вдруг нехорошее прямо-таки само повывлезало отовсюду, оставалось только ткнуть пальцем и гневно так воскликнуть: «Вот оно!» И что прикажете делать? Как бороться-то?

На столь банальный вопрос несложно дать столь же банальный ответ: «Напустить на них общественность»! Это же страшная сила. Она-то и поможет всех этих нерадивых профессионалов наконец-то вывести на чистую воду. Надо было только грамотно всем этим распорядиться. Конечно, можно и традиционные силы использовать — педагогическую экспертизу например. Но там всё же надо как-то профессионально доказывать, почему худший учебник лучше лучшего учебника, почему пользующийся спросом учебник надо срочно выводить из образовательного процесса.... Не всегда это удобно. А тут — общественность — глас народа, глас Божий. Всё просто.

И вот уже Совет за Советом, Совет за Советом выстраивались на невидимых фронтах борьбы за монополию, то есть за денешки государевы для «любимого» и будущего «доминирующего». И все эти Советы — общественные, и общественность-то в них самая что ни на есть общественная и отборная, самой высшей пробы, так что и не воспротивишься, ежели что скажут. А что им сказать — про то им верные люди подскажут из того же МОЛИ. Не прямо, конечно, а так, издаека протелепатируют, благо, говорят, в последнее время эта удивительная способность во многих высоких чиновниках объявилась, и народ окружной (то есть который находится в ближайшем окружении или же просто примкнувший) внимает им безоговорочно. Испытано: Здесь (в МОЛИ) только помыслят, а Там (в Советах) — уже вовсю исполняют затаенную волю. А уж

откуда в МОЛИ мысли всякие появляются для телепатирования — то давно уже секрет Полишинеля.

Тут ведь что ещё важно было? Решимости придать этой самой общественности, чтобы не только робко посоветовать могла, но чтобы решительно так: Нет, мол, не пропустим всякие там нехорошести нехорошие — картинку там какую не ту или цвет обложки глаз не радующий. И чтоб сразу — навывлет, в смысле — вон из перечня учебников: не понравилось нам. Решительно так. И стало так: общественность теперь не советовала и не рекомендовала, как это ей всегда присуще было (а на большее она и сама вроде никогда не претендовала), она теперь и указывала, и решала.

И пошло, и пошло...

В общем, в скором времени облегчённо вздохнуло, наконец-то, вновь ставшее «самым-самым» издательство. Так что теперь уже вполне можно было поприветствовать уважаемое издательство: «С облегченьицем»! К тому же, как только всё утряслось, и качество учебников вдруг вернулось, тут же оказалось, что учебники-то не так уж и плохи, можно даже сказать хорошие учебники. Впрочем, какими они были и раньше. Только не отмеченным никем осталось весьма сомнительное качество системы экспертизы, выстроенной усилиями федерального ведомства «под себя», при которой на самых ответственных этапах принятия решений никто из экспертов экспертируемые учебники в глаза не видел.

Помните мистера Харриса из «Трое в лодке, не считая собаки»? Начинал он петь комические куплеты в пёстром окружении слушателей, а закончил — не приступая к исполнению и отправив слушателей «в сад» — в полном одиночестве, чего, собственно, и добивался.

Хорошо, когда ты можешь сказать и говоришь неугодным тебе: «Все в сад».

И все тут же быстренько выходят! Слушаются! В бизнесе это особенно хорошо. Я бы даже сказал — здорово! Для тебя, конечно, для любимого. Впрочем, всё остальное ведь и неважно, образование там или ещё что...

В результате экспертных баталей 2013—2014 гг. у издательств, чьи учебники наряду с учебниками «самого-самого» издательства входили в Федеральный перечень учебников, начались проблемы.

Когда вдруг заговорили о чрезмерно раздутым федеральном перечне и необходимости его существенного сокращения, то на самом деле подразумевалось совсем иное — сокращение доли рынка учебников у одних и увеличение её у других.

Очевидно, что поскольку условия участия в Федеральном перечне учебников и порядок обеспечения школ учебниками определяет государство, то любые обусловленные действиями государства привилегии для тех или иных участников процесса, означают коррупцию. На пути к сегодняшней ситуации коррупционно окрашенных действий со стороны федерального ведомства было достаточно. На одном из этапов этого славного пути ведомство это даже поручило непосредственно будущему монополисту разработать новые стандарты образования (!). Это чтобы избежать всяких там случайностей. Так что разработчик и стандарт за огромные бюджетные деньги разрабатывал (но так и не разработал) и параллельно учебники под него готовил. А другие-то и не знали. А поскольку новый стандарт никакого отношения собственно к образованию не имел, так как совсем не касался содержания и регулировал только цвет краски на стенах классной комнаты, то и учебники можно было городить какие угодно.

Но это было потом.

Теперь же весть о чрезмерно разросшемся Федеральном перечне учебников довели Куда надо. И вот Оттуда, откуда надо прозвучала давно ожидаемая Кем надо команда: «Сократить!». Не знаю уж, было ли при этом добавлено «Сократить немедленно», но исполнять бросились оперативно. И теперь уж сработать решили наверняка, без промахов. А в качестве га-

ранта приказ специальный приняли. Правда, с приказом этим конфуз приключился, потому как слишком уж безграмотно его подготовили, и уж больно очевидно из него торчали уши Того, кому всё это надо было. Так что зарегистрировать приказ удалось только после прямого окрика или даже скорее крика почти уж совсем Оттуда, откуда надо, от самого вице-премьера.

Кстати сказать, ситуация с регистрацией приказа в Минюсте РФ только подтвердила, что приказ никакого отношения к высоким целям повышения качества российского образования не имеет, а лишь решает задачи некоего заказчика. Разработчики приказа никому не смогли хотя бы в общих чертах объяснить, зачем и кому он нужен. Да и утвердили его и ввели в действие в то время, когда всем уже было очевидно, что сформировать по нему Перечень в этом году не удастся, а значит и поставить учебники к началу нового учебного года будет невозможно. Но такая мелочь никого из инициаторов уже не остановила.

Но завершающая стадия процедуры ограничения доступа в Федеральный перечень чуть было не пошла всё же как-то не так. Какие-то издательства провалились-таки со своими учебниками к финишной прямой, сдали-таки учебники в федеральное ведомство. Но, с помощью понятной народу лексики один высокий чиновник загнал всё же процесс в нужное русло. И на этом этапе почти уже удалось вписаться в заданные цифры. Можно было вздохнуть с облегчением.

Что в итоге? Федеральный перечень сократили, но не ради или для повышения его качества, а ради самого сокращения в интересах потенциального монополиста. Произошла банальная «зачистка» от конкурентов торговой площадки для одного полюбившегося федеральному ведомству «за какие-то красивые

глаза» издательства. Наряду с этим, можно погоревать и об украденной вере. Вере в то, что существуют свобода и права граждан, что существуют в интересах граждан интересы государства, что существуют служители государевы, целью служения которых является защита государственных интересов, а не их личного мелочного интереса.

Но на этом дело не кончилось, ведь процесс монополизации рынка школьных учебников завершён не был, произошло только устранение некоторых конкурентов и захват значительной доли рынка. В Федеральном перечне учебников осталось немногим более десятка издательств, среди которых всё ещё серьёзные конкуренты — «Дрофа» и «Вентана-Граф».

После приобретения «Просвещения» издательство «Олма Медиа Групп» уже пыталось прикупить и второе крупнейшее издательство учебной литературы для школы — издательство «Дрофа», но сделка не состоялась, — толи ФАС не дал тому свершиться, толи отзывали свою заявку, потому как не готовы были проглотить ещё один огромный кусок рынка и не поперхнуться. Купила «Дрофу», а затем и издательство «Вентана-Граф» издательская группа «Эксмо-АСТ».

На рынке учебной литературы для общеобразовательной школы образовалась олигополия — рынок с доминированием двух (в нашем случае) игроков — группы издательства «Просвещение» и Корпорации «Российский учебник», в которую входили издательства «Дрофа», «Вентана-Граф» и «Астрель». Но просуществовала эта олигополия недолго.

При очередной чистке в 2018 г. Федерального перечня учебников из него исключили огромную часть учебников Корпорации «Российский учебник» — более 300 учебников. Просто взяли и исключили, просто так, без объяснения причин, потому как объяснить подобное внятным человеческим языком было просто невозможно. Плюс к этому в начале

2018 г. началась смехотворная для стороннего наблюдателя кампания издательства «Просвещение» по уничтожению одного из участников Корпорации «Российский учебник» — издательства «Вентана-Граф». Смехотворной эта кампания была потому, что основанием для неё послужил иск на 3,76 млрд руб. за якобы использование знака ФГОС (федерального государственного образовательного стандарта), который «Просвещение» зарегистрировало в Роспатенте, приватизировав тем самым цвета государственного флага Российской Федерации и четыре буквы русского алфавита. Во как! Взяли и приватизировали флаг и алфавит. Смех, да и только. Но корпорации «Российский учебник» было не до смеха, поскольку суд по непонятным (?) причинам был, очевидно, не на их стороне.

Понятно было одно, что и 300 исключённых из Федерального перечня учебников, и иск «Просвещения» были инспирированы теми, кто формировал условия работы издательств на рынке учебной литературы для школы, то есть — издательством «Просвещение» и федеральным ведомством. Надеяться в этих условиях на нормальную работу в компании с такими устроителями проблем стало невозможно. Владельцы корпорации «Российский учебник» правильно оценили ситуацию, и пошли на сделку: «Просвещение» отзывает иск, Корпорация «Российский учебник» переходит к новому владельцу. Этот новый владелец был, конечно же, посредником, можно сказать «подставным лицом». Кстати сказать, как только об этой сделке стало известно, те самые исключённые из Федерального перечня 300 учебников быстренько вернули на место. А уже в скором после этой сделки времени Корпорация «Российский учебник» была продана вторично, кому продана? Правильно — «Просвещению». Группа компаний «Просвещение» и Корпорация «Российский учебник» объявили об объединении. Добилось своего «Просвещение», стало монополистом и теперь все денюжки — его, «Просвещения».

А теперь просто красота и «прелесть что такое» настают: группу компаний «Просвещение» покупают вкладчину Сбербанк, Внешэкономбанк и Российский фонд прямых инвестиций. Такая сделка никакому бизнесмену даже в самых сладких снах не привидится: купить «Просвещение» за 2,25 млрд руб., а продать — за 50–70 млрд руб. То есть получить маржу в 3000 процентов! Каково?!

Итак, дело сделано. Монополизация рынка российских школьных учебников кипрской компанией «Просвещение» завершена. Это, так сказать, финал. К монополизации интеллектуальной базы российского образования, чем является школьный учебник, пришли не в одночасье, тому предшествовала долгая и кропотливая работа многих, как говорится, заинтересованных сторон. Одной из активных сторон в этом процессе выступало, как ни странно, само государство, которое обязано было в соответствии с действующим законодательством противодействовать монополизации и обеспечивать равные права для всех участников рыночных отношений в сфере образования вообще и в сфере учебного книгоиздания для школы в частности. Но что-то пошло не так! Государство не противодействовало и не обеспечивало, а совсем даже наоборот: и содействовало, и всеми силами поощряло монополизацию рынка учебной литературы для школы, прежде всего — учебников, конечно.

Ладно бы рынок учебной литературы для школы государство же и монополизировало. Это было бы понятно, поскольку вписывалось бы в модель государственного капитализма, каковая и реализуется сегодня в практике государственного строительства. Но ведь нет. Когда такая возможность была, государство ею не воспользовалось.

В обычном развитом капиталистическом обществе, как нас с некоторых пор учили наши доморожденные «новые экономисты», успех в борьбе с конкурентами достигается за счёт лучшей реализации предпринимательской функции собственника, за счёт умения максимально точно предвосхищать неопределённые события в будущем. Может, где-то это и так. Но не в нашем случае. Зачем что-то «предвосхищать», если можно просто убедить-

тельно подсказать «кому надо», какое будущее нужно тебе, и просто «творить» это будущее руками своими и того, «кому надо». Не одномоментно такого рода творчество происходит, время на то требуется, и немалое порой. Но вот в нашем случае на всё про всё — то есть на то, чтобы уничтожить российское учебное книгоиздание для общеобразовательной школы, — ушло всего-то каких-нибудь восемь лет. Впрочем, рыночная жадность может и не такое...

* * *

Когда-то Эрнест Хемингуэй ввёл в обиход выражение «момент истины». В иносказательном смысле оно означает момент, когда правда становится очевидной, когда происходит момент прозрения. Есть и иная трактовка: «Момент получения информации, способствующей установлению истины». В эпоху монополизации рынка школьных учебников и то, и другое случилось ещё в начале десятых годов, когда произошло решающее наступление издательства «Просвещение» и федерального ведомства на конкуренцию. Это было безобразное действо, устроенное ими из рядовой приёмки результатов экспертиз учебников Федерального перечня. Никогда ещё, а у меня, слава богу, двадцатилетний стаж работы в федеральных министерствах, никогда не сталкивался я со столь яростным и самоотверженным служением федерального чиновничества интересам частной компании, со столь очевидным и беззастенчивым их служением не государству, но отдельно взятой бизнес-структуре. Никогда ещё столь открыто не попирались интересы общества и государства в угоду одного из игроков на одном локальном рынке продукции, то есть — на рынке школьных учебников, а точнее — на государственном рынке школьных учебников. И подумалось мне тогда, что, как бы ни складывались жизненные обстоятельства, на какие бы компромиссы не приходилось идти или даже искать их

в поисках того или иного пути, всё равно или поздно наступает он — момент истины. И тогда, хочешь ты того или нет, надо говорить правду и называть вещи своими именами. И говорили, много говорили! Но, высказанная в пылу борьбы за справедливость эта правда, адресованная в федеральное ведомство образования и в более высокие чиновничьи структуры, пропала втуне. Может быть, у нас и сейчас, как во времена незабвенного Николая Васильевича среди чиновничества процветает «подлость, совершенно бескорыстная, чистая подлость»? Такого рода поведение нашего чиновничества определяется их уверенностью в собственной особости, в том, что достигнув таких высот, как та, на которой находится их кресло, они не имеют с окружающими людьми ничего общего и уже в силу этого имеют право на любую подлость. К этому добавляются презумпция виновности окружающих и вседозволенность. Первая составляет поведенческую основу чиновничества, а вторая протекает из разрешённой сверху вседозволенности. Как-то само собой получается, что не в правде сила, не в правде...

* * *

В эсхатологии — учении о конечных судьбах мира и человека — различают индивидуальную и мировую конечную судьбу. Понятие это применимо там, где мыслимо «окончательное решение», где результатом бытия есть крах — последний день существования, — крах человека, крах человеческого сообщества, крах человечества, наконец. Нам не надо заходить столь далеко. Для издательств, что годами тяжким трудом завоёвывали своё место в учебном книгоиздании для школы, создавая новую качественную и востребованную образовательным сообществом учебную книгу, поражение в неравной конкуренции, введение для них фактического запрета на их профессиональную деятельность, конечно же, означало их «уход со сцены» как самостоятельных и самодостаточных «актёров». Как в древнегреческой драматургии до прихода Эсхила, на сцене

театра абсурда российского школьного учебника остался один «актёр», что очевидным образом исключает возможность какого бы то ни было диалога.

* * *

P.S. Не так-то просто бывает облечь обуревающие тебя чувства в слова. А порой так хочется сделать это. Кажется, иначе просто лопнешь от их (чувств) избытка, а не то — увянешь от осознания бессилия своего, от тщеты потуг своих в противлении своём или вовсе перестанешь различать внешние раздражители. И что тогда делать? Тихо и незаметно доживать век свой, и да пошлёт тебе Господь долгие годы? Или всё же воспротивиться, пусть даже и на словах только, но облечь-таки чувства свои в слова свои. Облечь, а потом и высказать вдруг обличение своё тем, чьи деяния и привели тебя в негодование праведное. Поймут ли, услышат ли? Вряд ли. Те, кому высказать хочешь, по-другому устроены, они — иные. Услышат и поймут лишь готовые услышать и понять, но не они. Так может другие и услышат, и поймут, и утешат? Но зачем им, другим-то? Им-то зачем? Каждому ведь своё. Впрочем, суeta всё это. Потому как истина и правда всё же есть, они существуют, и как бы ни избегали их противники их, как бы ни уклонялись они от признания их, как бы ни оскверняли суть их и облик их, истина и правда-то что оттого? И истина, и правда остаются собой. А не принимают их либо по незнанию своему, либо из гордыни своей, но чаще банально корысти для.

Но не надо всё же истинным радетелям правды искать теперь, когда свершилась великая монополизация рынка школьных учебников, выискивать нарушения законодательства российского, не надо искать кто кого, как и где объегорил на этом «славном» пути. Потому не надо, что объегорили само образование, и сделали это те, кто за это самое образование

и радеть должен. Какую и у кого правду теперь искать?

В основу правового регулирования издательской деятельности положены принципы, закреплённые в Конституции Российской Федерации:

- идеологическое многообразие (ст. 13);
- свобода мысли и слова, свобода информации, запрет цензуры (ст. 29);
- свобода предпринимательской, в том числе издательской, деятельности, запрет монополизации рынка и недобросовестной конкуренции (ст. 34);
- свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (ст. 44).

Развивают и дополняют эти принципы положения, зафиксированные в Гражданском кодексе Российской Федерации и Законе «Об образовании»:

- юридическое равенство участников неимущественных отношений, в том числе в сфере издательской деятельности (ст. 1 ГК РФ);
- недопустимость произвольного вмешательства государства в сферу предпринимательской деятельности (ст. 1 ГК РФ);
- единство федерального культурного и образовательного пространства (ст. 2 Закона РФ «Об образовании»);

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- общедоступность образования (ст. 2 Закона РФ «Об образовании»);
- свобода и плюрализм в образовании (ст. 2 Закона РФ «Об образовании»).

Сюда же следует отнести отдельные положения федерального закона «О защите конкуренции», которые, в частности, запрещают (ст. 10; ст. 14) монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию (в том числе продажу, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности).

Нарушено было всё из того, что перечислено. Нарушено осмысленно и целенаправленно, при активном участии государства. Бессмысленно теперь, как говаривал Дейл Карнеги, «пилить опилки»: «Когда человек начинает беспокоиться о том, что уже случилось и закончилось, он просто пытается пилить опилки». С рынком школьных учебников уже всё случилось. Рынка школьных учебников нет. Забудьте. **НО**

Doomsday, Or The Victorious Greed

Boris A. Kuznetsov, State Councilor of the Russian Federation, 2nd class, Moscow, e-mail: bor206@yandex.ru

Abstract: Completion of the activity of the Association of publishers «Russian Textbook». Monopolization of the Russian school textbook market. Violation of the principles of legal regulation of publishing activities.

Keywords: Association of Publishers «Russian Textbook», monopolization of the market, school textbook, legal regulation of publishing activities.